

изучения психосоматики В.С.Ротенбергом, а в сфере собственно психологии активности личности В.А.Петровским, доказывают, что модель гомеостатического развития имеет не универсальный, а частный характер. Так, среди этих не вписывающихся в данную модель фактов следует упомянуть факты падения процента психосоматических и инфекционных заболеваний в экстремальных критических ситуациях, «болезни достижения целей как синдром Мартина Идена» (В.С.Ротенберг), феномен «риск ради риска» (В.А.Петровский). Подобные факты побуждают психологов не только оказаться «по ту сторону постулата сообразности», как точно отмечает В.А.Петровский в своей монографии «Личность в психологии» (1996), близкой по духу работам в сфере неклассической физики, но в целом выйти за пределы описанных выше барьеров классического рационального мышления в психологии личности.

ОТ КУЛЬТУРЫ ПОЛЕЗНОСТИ К КУЛЬТУРЕ ДОСТОИНСТВА: СОЦИАЛЬНАЯ БИОГРАФИЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Истоки зарождения неклассического мышления в психологии личности теснейшим образом связаны с разработкой проблемы бессознательного в психоанализе (З.Фрейд), теорией установки (Д.Н.Узнадзе), культурно-исторической концепцией развития высших психологических функций (Л.С.Выготский) и деятельностным подходом к изучению психических явлений (А.Н.Леонтьев, С.Л.Рубинштейн).

Принципиальная новизна этих различных направлений методологии психологии состоит в прорыве за границы «постулата непосредственности» и поиске того «опосредующего звена», которое, порождая психические явления, само бы к сфере психического не принадлежало. В психоанализе акцент на таких особенностях бессознательного как «нечувствительность к противоречиям» и «вневременный характер» вызвал страх и отвращение у представителей классического рационального мышления, спешащих рационализи-

ровать психоанализ как «не науку», «мифологию» или странное «искусство». Теория установки Д.Н.Узнадзе по своей мировоззренческо-ценностной функции в психологии и культуре изначально выступила с протестом против рационального образа человека как изолированного, вырванного из мира эволюции существа. Сверхзадачей Д.Н.Узнадзе было исследование человека как активного творца «биосферы» (термин, использован Д.Н.Узнадзе в 1923 г. независимо от В.И.Вернадского). Отсюда методологии Д.Н.Узнадзе с самых первых этапов становления теории первичной установки присущи положение о целевой детерминации жизнедеятельности и источнике самодвижения деятельности в виде «функциональных тенденций» личности.

Особое внимание в разработке историко-эволюционного подхода в психологии личности уделено тем ценностным *идеологическим установкам общественного сознания*, которые на долгие годы вытеснили со сцены психологической науки парадигму мышления неклассической психологии, лежащую в основе культурно-исторической психологии и деятельностного подхода к изучению психических явлений.

Лишь в последние десятилетия имена Л.С.Выготского, А.Н.Леонтьева, С.Л.Рубинштейна стали все чаще ассоциироваться со становлением парадигмы неклассического мышления в психологической науке. Среди последователей Л.С.Выготского прямая характеристика идей Выготского как *неклассического подхода* к сознанию принадлежит Д.Б.Эльконину (1981). По сути дела миф о Л.С.Выготском как рационалисте, близком по духу когнитивной психологии или даже необихевиоризму, начинает распадаться на Западе благодаря исследованиям Р.Харре, Дж.Верча, М.Коула, а также группы датских методологов психологии (Н.Рюльсен, М.Энгельстед, Ж.Маммен и др., 1988), недвусмысленно показавших родство между глубинными установками мышления деятельностного подхода в психологии и неклассической физикой Н.Бора.

В своем бунте против рационализма Р.Харре (1984, 1985) привлекает в союзники Л.С.Выготского и, опира-

ясь на принцип «интериоризации—экстериоризации», совершает два шага:

— изобличение классической психологии в пяти грехах — сциентизме, универсализме, индивидуализме, механистической каузальности и опоре на картезианские оппозиции «внешнее—внутреннее», «субъективное—объективное»;

— построение пространства «истинной» психологии с осями «индивидуальное—коллективное», «социальное—личностное», «публичное—приватное» с прямой опорой на положение Л.С.Выготского об «интериоризации—экстериоризации».

Упомянутые выше датские психологи открывают в деятельностном подходе методологию, снимающую оппозицию «объективное — субъективное» через категорию деятельности и, по сути, использующую при анализе соотношения физического, культурного и психического миров «принцип дополнительности» (Н.Бор).

Для Д.Б.Эльконица переход Л.С.Выготского от трактовки социальной среды как «фактора» к пониманию «социального» в качестве «источника» развития личности символизирует начало *неклассической психологии сознания*.

И не слабость, а сила культурно-исторической психологии Л.С.Выготского заключается в том, что эта теория нередко воспринимается как более близкая по духу *искусству*, чем психологии, опирающейся на классическое рациональное мышление.

Секрет современности Л.С.Выготского в истории науки почти нашли С.Тулмен, А.Пузырей, А.Козулин, которые, говоря о «феномене Выготского» как о загадке XX в., в самих своих характеристиках Л.С.Выготского почти приближаются к ее разгадке. Еще З.Фрейд учил, что переименования, метафоры не являются случайными обмолвками, а имеют потаенный смысл. В образных сравнениях этими авторами Выготского с Моцартом, в уподоблении судьбы Л.С.Выготского судьбам литературных героев Сервантеса, Т.Манна, Г.Гессе и Б.Пастернака — ключ к пониманию «феномена Выготского» и особенности его пути в науке. Выготский всегда, даже когда его тексты трансли-

ровались с помощью бихевиористской или рефлексологической научной терминологии, занимал глубинную смысловую позицию Мастера, подлинного художника, занятого строительством культурной конкретной психологии человека. Культурно-историческая психология и стала произведением новой культуры понимания человека, вышедшим из творческой мастерской Л.С.Выготского и его соратников. Если воспользоваться при понимании произведений Выготского условной типологией столь любимого Выготским поэта Осипа Мандельштама, то можно сказать, что Выготский был «смысловиком», а не «рациональным формалистом».

Впоследствии идеи школы Выготского действительно, как отмечают некоторые философы, были погружены в многолетний анабиоз. Но эти идеи вовсе не потому погружались в анабиоз, что относились к сфере логики, философии или культурологии, а психологи не поняли их значения. Причина задержки движения культурно-исторической теории, ее замедления, разветвления по многим, порой внешне не связанным оттоком от основного русла заключена не в науке, а в социальной истории общества.

Для понимания *социальной биографии культурно-исторической психологии* необходимо прежде всего мозаику культур в ходе человеческой истории расположить как бы у двух полюсов — полюса *полезности* и полюса *достоинства*. В культуре *полезности* господствует представление о том, будто мир — большие часы, которые заводит мудрый часовщик. Все размерено, предсказуемо и подчинено раз и навсегда заданному распорядку социальных действий. В литературе подобный социальный рациональный мир точными мазками передан в романе-утопии Е.Замятина «Мы» и в романе-утопии Дж.Оруэлла «1984». Но, как пелось в песне, «мы рождены, чтоб сказку сделать былью». Сказки-утопии Е.Замятина и Дж.Оруэлла сделались былью, они стали безличной культурой *полезности*, в которой любая психология конкретного человека и, конечно же, гуманистическая культурно-историческая психология были противны самой сути культуры *полезности*, уже фактом своего существования по-

сягали на устои этой культуры, а тем самым были для нее опасны и избыточны.

Культура полезности оснащена своего рода идеологическими фильтрами, которые чутко определяют, какой «образ человека» имеет право поселиться в мышлении и обществе, стать предметом исследования в науке. Образ «человека-марионетки», «поведенческого робота», даже если этого не осознавали исследователи, наиболее оправдывался работами в области изучения условных рефлексов, рефлексологии и реактологии. Именно этот образ «рефлексологического робота» был в конечном счете востребован административно-командной системой тоталитарного социализма.

В 1930 годы тень культуры полезности тоталитарного социализма медленно, но верно напоззала на генетику, ноосферную философию и педагогику. Наряду с генетикой и философией, проповедующей «принцип солидарности», в культуре полезности подвергается остракизму и человекознание.

Культурно-историческая психология школы Выготского стремительно формировалась в те годы как практическая психология развития, выступая основой педологии — науки об изучении развития и воспитания ребенка. Но в психологических исследованиях развития индивидуальности, диагностике индивидуальных способностей каждого ребенка складывавшаяся в 1930 годы командно-административная система не нуждалась. В обстановке всеобщей унификации начала утверждаться педагогика казарменного типа. Тут-то рельефно обозначилось расхождение программы культурно-исторической психологии и программы построения тоталитарного социализма.

Культура полезности утверждала, что только она обладает правом решать, куда идти человеку, где ему быть, о чем ему позволительно думать. Резким контрастом по отношению к императивам культуры полезности дышат строчки писем Л.С.Выготского, написанные в 1930 и 1931 годах: «Каждый человек должен знать, где он стоит. Мы с Вами тоже знаем и должны стоять твердо. Поэтому итог: Вы — а не кто другой — напишите реакцию выбора, эту

главу о развивающейся свободе человека от внешнего принуждения вещей и их воли ...». «...Нельзя жить, не осмысливая духовно жизнь. Без философии (своей, личной, жизненной) может быть нигилизм, цинизм, самоубийство, но не жизнь. Но ведь философия есть у каждого. Надо растить ее в себе, потому что она поддерживает жизнь в нас <...>. Что может поколебать человека, ищущего истину <...>. Сколько в самом этом искании внутреннего света, теплоты, поддержки! А потом самое главное — сама жизнь — небо, солнце, любовь, люди, страдание. Это все не слова, это есть. Это подлинное. Это воткано в жизнь. Кризисы — это не временное состояние, а путь внутренней жизни. Когда мы от систем перейдем к судьбам <...> к рождению и гибели систем, мы увидим это воочию» (Нельзя жить, не осмысливая духовно жизнь: Письма Л.С.Выготского к ученикам и соратникам / Публ. А.Пузыря // Знание — сила. 1990. № 7. С.93—94). Комментировать эти строки, их потрясающую неуместность и нелепость в тридцатые годы — это все равно, что прозой пересказывать поэзию. И сказанного достаточно, чтобы ощутить драму и судьбы Л.С.Выготского, и всей программы культурно-исторической психологии.

Культуре полезности не нужны личности и науки, ориентированные на судьбы личности, на то, что стоит за каждой личностью, — изменчивость, вариативность, непредсказуемость. Эти науки, будь то культурно-историческая психология Выготского, ноосферная теория Вернадского или генетика Вавилова, опасны для тоталитарной системы, поскольку утверждают право на существование непредсказуемости, изменчивости в обществе. И тем самым ставят под сомнение саму модель прозрачного мира, которым может управлять по плану всевидящий часовщик.

Последователи Выготского как бы отступили после его смерти на территорию «частичных» деятельностей — памяти, восприятия, мышления. Временно затихли разговоры об этих процессах как высших формах поведения. Однако и в исследованиях конца 1930 годов проявлялась позиция, которая может быть передана лаконичной формулой: «Вначале было дело» (Л.С.Выготский). Загнанные

внутри идеи культурно-исторической психологии были востребованы в годы Великой Отечественной войны, когда стало не до схоластических ярлыков и идеологических спекуляций. В исследованиях А.Р.Лурии по восстановлению функций мозга после ранения зарождается новая наука — нейропсихология. Разработка психологии мотивации поведения личности и произвольных высших форм поведения ведется в цикле работ А.Н.Леонтьева и А.В.Запорожца, подытоженных в до сих пор современной книге «Восстановление движения» (1945). Все энергичнее продолжает начатый еще с Выготским диалог классик современного человекознания Н.А.Бернштейн, обсуждая с А.Н.Леонтьевым, А.Р.Лурией и А.В.Запорожцем результаты исследований по построению движений. Как и Л.С.Выготский, Н.А.Бернштейн приветствует содержащийся в цикле работ А.Р.Лурии, А.Н.Леонтьева и А.В.Запорожца протест против образа «человека-марионетки». Однако командно-административная система лишь временно забывала о «заповедниках», в которых жили идеи культурно-исторической психологии, деятельностного подхода к изучению психических явлений и физиологии активности. Образ «человека-марионетки», действующего по инструкции «нажми», вновь прочно утвердился в науке на печально известной Павловской сессии 1950 г.

Просветление пришло после смерти Сталина, в 1953 г., и эпоху хрущевской оттепели. В 1957 г., по свидетельству французского психолога Р.Заззо, А.Н.Леонтьев, находясь во Франции, рассказывает своим коллегам А.Валлону и Р.Заззо о том, что «павловская психология» уходит в прошлое, и настоятельно рекомендует опубликовать малоизвестные за рубежом работы Л.С.Выготского. Однако эта попытка А.Н.Леонтьева тогда не увенчалась успехом. Лишь в 1956 г. в СССР вновь появляется книга Л.С.Выготского «Избранные психологические произведения» с предисловием А.Н.Леонтьева и А.Р.Лурии.

К началу 1970 годов, пережив трагедию многолетней невостребованности, культурно-историческая психология вновь начинает прорастать в исследованиях В.В.Давыдова, В.П.Зинченко, А.В.Петровского, О.К.Тихомирова и

других последователей Выготского, Леонтьева и Лурии. Однако проблема механизмов преобразования культуры в мир личности и особенно порождения в процессе развития личности иной культуры все еще остается на обочине социальной биографии культурно-исторической психологии.

Тот, кто погружается в сокровенный замысел культурно-исторической психологии, тот явно и неявно переходит от анализа «сознания вне культуры» и «культуры вне сознания» к постижению тайны взаимоотношений, преобразований социальных связей в мир личности и сотворения личностью из материала этих связей миров человеческой культуры. Осознать исходный замысел культурно-исторической психологии и означает увидеть в ней венчающую знания о развитии человека в природе и обществе дисциплину, предметом которой является понимание механизмов преобразования культуры в мир личности и порождения в процессе развития личности культуры.

Постановка именно этой проблемы была под силу культурно-исторической психологии потому, что она, как это вновь открыли Д.Б.Эльконин, Р.Харре и др. в конце XX в., была в методологическом плане переходом от классического рационального мышления к стилю мышления неклассической психологии; в аксиологическом плане культурно-историческая психология была нравственным императивом, отстаивающим необходимость перехода от культуры полезности к культуре достоинства.

По стилю мышления культурно-историческая психология ближе к искусству, чем к рациональной науке. В связи с этим к школе Л.С.Выготского приложимы слова О.Э.Мандельштама о том, что литературные школы живут не только идеями, но и вкусами. Благодаря школе Л.С.Выготского возник новый вкус, и культурное пространство психологии еще более открылось для социологов (Э.Дюркгейм, Дж.Мид), этнографов (Л.Леви-Брюль, Ф.Боас, Р.Турнвальд), лингвистов (Ф.Соссюр, А.А.Потебня, Р.Якобсон), биологов (В.А.Вагнер, А.Н.Северцов). Подобно тому, как лучшие сатирики вышли из гоголевской «Шинели», из школы Л.С.Выготского с ее стремлением к ломке междисциплинарных границ вышли нейропсихо-

логия и нейролингвистика (А.Р.Лурия), психолингвистика (А.А.Леонтьев), психосемантика (В.Ф.Петренко, А.Г.Шмелев), психопедагогика в широком смысле слова (П.Я.Гальперин, Д.Б.Эльконин, В.В.Давыдов, Н.Ф.Талызина), психодидактика (Л.В.Занков), социо-исторический подход к обучению, культурная психология и педагогика «диалога культур» (Дж.Верч, М.Коул, В.С.Библер).

Точно сжатая пружина, распрямилась и заработала в системе образования в 1988 г. педологическая программа Л.С.Выготского, осуществленная в такой проектировочной дисциплине, как практическая психология образования. Упомянутый выше цикл работ Р.Харре, датских и других психологов также доказывает, что не только рукописи, но вкусы и идеи неклассической психологии не горят даже на кострах культуры полезности. Наконец, именно вкус школы Л.С.Выготского к системному историко-генетическому анализу развития человека в эволюции природы и истории культуры привел к разработке неклассического историко-эволюционного подхода в психологии личности.